

ческой церкви, и не разъ пользовалась она борьбой народныхъ группъ, чтобъ тверже заложить свой камень вселенскаго богочестія.

Будучи самимъ обществомъ среднихъ вѣковъ въ его мистическомъ выраженіи, будучи участницей кровавыхъ бурь реформаци и возрожденія, церковь была тѣмъ, чѣмъ были составляющіе ее люди, только въ идеальномъ единствѣ, въ цѣлостной идеологіи, синтезомъ великой классовой борьбы.

Отвратительно дѣйствуетъ сочетаніе святой чаши и отравы, подносимой въ кубкѣ тирану, непостижимымъ кажется совмѣщеніе заповѣди „не убій“ и окровавленнаго кинжала, дрожащаго въ рукахъ убійцы. Начало отрицаетъ конецъ, въ уродливыхъ ключьяхъ раздирается міросозерцаніе; но не будемъ слишкомъ строги къ идеологіи римскаго-католичества: развѣ сейчасъ, въ области государственныхъ и правовыхъ фантазій не то же взаимное пожираніе двухъ истинъ, другъ друга отрицающихъ правъ, развѣ въ нашей душѣ не совмѣщается моральная санкція юридическаго насилія и нравственной любви, экономической свирѣпой борьбы и нѣжнѣйшихъ чувствъ по отношенію къ „ближнимъ“?

И если католичество создало демагогію тираноубійства, великолѣпное орудіе борьбы съ государствомъ и въ государствѣ примитивнаго абсолютизма, то чѣмъ хуже его наша черная братія, проповѣдующая погромы, убійства и грабительства подъ знаменемъ византійскаго креста? Только тамъ за народъ, а здѣсь противъ него!

М. Рейснеръ.

„По христіански“.

Съ глубокимъ огорченіемъ и сердечною болью я беруся за перо, чтобы написать эту „злую“, какъ ее назовутъ, вѣроятно, многіе изъ читателей, статью. Но что дѣлать, иногда и скрѣпя сердце, и нехотя, но приходится говорить то, чего говорить не хотѣлось-бы; — благо жизни этого требуетъ! Пусть многимъ эта статья и не понравится, пусть многіе и разсердятся на меня и даже пусть многіе будутъ думать обо

мнѣ дурно; но любовь моя къ благу Святой Христовой Церкви, я надѣюсь, все искупить, а многіе, понявъ, что затаенные пороки не излечиваются, а разрастаются и губятъ тѣло и души людей, оцѣнить мою смѣлость—сказать правду въ глаза цѣлому обществу...

Я предупреждаю, что единственною церковью, ближайшею къ идеалу Христа, я считаю именно ту, къ которой я принадлежу, и которую внутренними и сознаниемъ, и чувствами, я исповѣдую. Слѣдовательно, меня нѣтъ возможности заподозрить въ чемъ либо предосудительномъ по отношенію къ церкви. Обличенія мои существующихъ недостатковъ общества не относятся къ церкви, какъ Божественному установленію, а относятся къ членамъ церкви—людямъ... со всеми ихъ слабостями.

Обычно мы привыкли себя считать христіанами и при томъ даже истинными христіанами, „сущими“, какъ привыкли выражаться въ нашей мѣстности. Во многомъ оно и справедливо. Мы представляемъ изъ себя среду, отъ которой внѣшнимъ можно многому поучиться. И они это отмѣчаютъ въ своемъ пониманіи о насъ, удивляются нашимъ превосходствамъ, завидуютъ имъ, а перенять не хотятъ. Но поэтому-то и должно намъ держать себя на высотѣ достодожнаго, чтобы не служить примѣромъ дурного, чтобы не уронить престижа христіанства въ глазахъ внѣшнихъ и въ глазахъ насъ самихъ, а самое главное, предъ очами Всевышняго.

Доселѣ, до дней свободы, оно такъ и было. Въ тѣ дни, когда наша жизнь протекала въ темномъ подпольѣ, нашу внутреннюю жизнь внѣшніе не могли видѣть и потому знали только нашу внѣшнюю, весьма привлекательную, сторону ея. Но не только они, да мы и сами не знали нашихъ недостатковъ ибо гоненія отъ внѣшнихъ поглощали нашъ умъ, па борьбу съ ними, и закрывали отъ его критики наши собственные недостатки. Теперь-же, когда, хотя и худенькая, да свобода удалила отъ насъ гоненія въ область преданій и мы занялись строительствомъ нашей внутренней жизни, предъ нами стали во всемъ ужасѣ тѣ недочеты христіанской жизни, которыя доселѣ скрывались отъ насъ подъ гнетомъ преслѣдованій.

Мы, старообрядцы,—какъ христіане, были все время гонимы

поборники,—до мученичества—свободы слова, проповѣди (за что и сейчас боремся), полемики, печати и т. д.

И это наше поборничество было, есть и впредь должно считаться святымъ поборничествомъ. Поборничествомъ достойнымъ мученическаго вѣнца. И я вѣрю, что тѣ изъ нашихъ предковъ, которые положили свои души за это поборничество, будутъ увѣнчаны вѣнцами побѣды въ вѣчной жизни.

Свобода слова устнаго, печатнаго, или другого какого вида—святая свобода!

Христово ученіе есть небесное ученіе. Оно ученіе Божественное и потому абсолютно-совершенно. Оно не боится никакой критики. Насколько-бы критика ни была остра, ядовита и рѣзка, но она разобьется о святую простоту евангельской истины.

2,000 лѣтъ протекло почти отъ тѣхъ дней, когда эта истина была провозглашена на землѣ устами самого воплощеннаго Слова. Было много критиковъ на нее за это время—и язычниковъ, и еретиковъ-христіанъ, и безбожниковъ. И съ какимъ ожесточеніемъ ни нападали на нее различные ученые и философы-отрицатели, а она стоитъ доселѣ незыблемою. И я вѣрю, что пройдутъ еще вѣка, пройдутъ еще цѣлыя поколѣнія философовъ-отрицателей, а евангельская истина, какъ была, такъ и останется непоколебимою.

Слѣдовательно, христіанству нѣтъ надобности опасаться какой-бы то ни было критики и откуда-бы она ни исходила, отъ внѣшнихъ-ли, отъ своихъ-ли. Это безразлично. А если хотите, она даже полезна: критика заставляетъ нашъ умъ стремиться къ изученію святаго писанія, притомъ къ изученію болѣе тщательному и болѣе сознательному, и ведетъ насъ потомъ къ удачной антикритикѣ въ защитѣ христіанскаго ученія. Посмотрите на примѣръ съ миссіонерами господствующей церкви и вы безусловно убѣдитесь, что ихъ беспощадная критика нашего упованія привела къ тому, что мы стали сильными борцами противъ этой, часто недостойной, критики и сознательными послѣдователями святой Христовой старообрядствующей церкви.

Если-же не вѣрите мнѣ, что это такъ, то обратитесь къ святому апостолу Павлу, который прямо говоритъ, что: „подобаетъ ересемъ быти, да искусніи явлени будутъ“.

Такъ вотъ, борясь противъ зажиманія нашихъ устъ внѣшними, часто рѣзко, отчаянно, порицая зажимающихъ намъ уста въ дни преслѣдованій, что-же мы дѣлаемъ сами съ собою теперь, когда мы получили возможность говорить свободно?

Мы требовали себѣ свободы говорить и обличать и начали эту свободу отнимать у своихъ собратьевъ, какъ только это оказалось возможнымъ: это случалось (и не одинъ разъ) на нижегородскихъ съѣздахъ. Мы требовали себѣ свободы печати отъ внѣшнихъ и завели доморощенную цензуру, когда освободились отъ внѣшней и не только на книги, но даже на доклады, которые подавались членами съѣздовъ на заслушаніе: когда я участвовалъ въ съѣздахъ, я не разъ бывалъ назначаемъ въ комиссію по просмотру докладовъ, которой предсѣдателемъ настойчиво давались инструкціи, какіе доклады пропускать къ заслушанію и какіе отвергать. Я тогда-же настойчиво протестовалъ противъ этого закулиснаго, доморощеннаго цензурнаго комитета, — но мои протесты были бесплодны, и потому многіе доклады такъ и не увидѣли свѣта.

Когда мы стали въ своей средѣ бороться за лучшую долю старообрядческой жизни, то мы встрѣтили такія страшныя преграды къ достиженію намѣчаемыхъ улучшеній и даже такихъ улучшеній, противъ которыхъ, думалось, не найдется ни одного даже глупаго человѣка, но оказалось, что и умные люди часто рѣзко возставали противъ этого и это потому только, что имъ хотѣлось или угождать, или отстаивать свои личныя выгоды.

Когда законъ 17 октября 1906 года далъ намъ право широко использовать обычаи самоуправленія въ приходахъ, принципы, которыми мы такъ гордились и которые всюду, до крови, отстаивали долгіе годы гоненій, то тутъ-то и обнаружился весь позоръ фиктивности этого приходского общественнаго самоуправленія. Оказалось, что фактически такового не существовало, да и къ существованію этотъ принципъ для „сильныхъ міра сего“ нежелателенъ. Со всею силою своего могущества они обрушились на людей, начавшихъ попытки къ водворенію въ приходахъ истинно христіанскихъ началъ приходского самоуправленія. Во многихъ мѣстахъ дѣло доходило до тяжелыхъ осложненій, о которыхъ и говорить не хочется. Оказалось, что приходами заправляли деспо-

тически богатые люди. Они ни за что не желали раздѣлить свое властвованіе со всѣмъ приходомъ!

Даже обнаружилось, что, владѣя фиктивно, въ силу существовавшихъ ограничительныхъ законовъ, имуществомъ прихода, храмами и землями подъ ними, они ни за что не хотѣли отдать эти фиктивные права въ распоряженіе приходовъ, дабы не потерять возможности неограниченно распоряжаться судьбами приходовъ.

Пользуясь умолчаніемъ закона объ общинахъ о мѣстѣ, занимаемомъ духовенствомъ въ средѣ приходовъ (законъ объ общинахъ регламентируетъ лишь нашу гражданско-духовную жизнь и чисто духовной стороны не касается), нѣкоторые своевластники, хотя и учредивъ общины, но подобравъ извѣстный составъ совѣтовъ, начали жестоко тѣснить духовенство вплоть до униженія ихъ достоинства. Возьмите въ примѣръ хотя-бы одну только борьбу епископа Иннокентія съ нижегородскою общиною, въ сущности съ предсѣдателемъ ея, и ужъ вы увидите весь позоръ ненормальныхъ отношеній одной стороны къ другой.

Въ другихъ мѣстахъ самоуправленіе такъ загнано, что какой либо воротила совершенно безапелляціонно самодурствуетъ въ приходѣ, повелѣвая всѣмъ и вся, какъ только ему вздумается.

Мы знаемъ одинъ приходъ, даже городской, гдѣ самодуръ-хозяинъ прихода, какъ обычно, самозванный, ворочая приходскими дѣлами такъ, какъ ему вздумается, до того помыкаетъ священниками, что они у него на общинныхъ собраніяхъ валяются въ ногахъ, прося прощенія въ несодѣянныхъ противъ него преступленіяхъ, а общее собраніе, запуганное „неизвѣстными“ страхами, еще приговариваетъ:—Такъ, вотъ это—„по христіански!“ Неспорно, покорность, дѣло христіанское, но вѣдь это—покорность священниковъ, но гдѣ-же примирительное прощеніе съ другой стороны? Вѣдь оттуда, кромѣ злобы и деспотичнаго требованія рабскаго преклоненія предъ нимъ, никто, никогда и ничего не видалъ. А вѣдь по христіански-то, кажись бы, унижать, и при томъ несправедливо, достоинство священниковъ, дѣло зѣло непохвальное. А тутъ наоборотъ: правые обвиняются, а гордые похваляются.

Этотъ деспотъ, котораго я имѣю въ виду,—раза два въ годъ

гонитъ священниковъ съ квартиры, раза два прощаетъ публично, а затѣмъ начинаетъ ту-же исторію снова. То ласкаетъ ихъ своими щедротами, то изгоняетъ дерзко и, не считаясь съ канонами, привозитъ къ себѣ въ домъ, служить, священниковъ со стороны, съ единственною цѣлью насолить своимъ священникамъ. Онъ-же, какъ только приходъ шевельнется заявить свои права по дѣлу самоуправленія, угрожаетъ ему всякими жупелами, вплоть до угрозъ запора храма, чѣмъ и держитъ приходъ подъ постояннымъ гипнозомъ. И никто, положительно никто не осмѣливается указать ему на всю его антихристіанскую дѣятельность, а какъ разъ наоборотъ: всѣ передъ нимъ ходятъ на цыпочкахъ, низко кланяются и ласкаютъ его слухъ льстивыми словами.

Въ ужасъ омерзения придешь, когда вдумашься во все безуміе гордости капитала и всю низость людской природы, готовой тысячу разъ на день продать себя не только за чечевичную похлебку, но просто только за одинъ ласковый взглядъ богатаго человѣка.

И это все въ нашей „христіанской“ средѣ. Нѣтъ у насъ ни свв. Василіевъ, ни свв. Амвросіевъ, ни свв. Филипповъ смѣло говорившихъ правду даже царямъ. Нѣтъ, наши пастыри и архипастыри давно въ плѣну у капитала и, продавъ свое первородство за мнимое благополучіе церкви, не имѣютъ мужества сказать капиталу: съ грязной душой и руками, подалше отъ церкви... Этого нѣтъ, а если и есть, то оно выражается въ огромномъ меньшинствѣ.

Правда, не все еще погибло. Корень еще цѣль, есть и вѣтви зеленыя, но стоитъ большихъ трудовъ, чтобы древо церковной жизни развилося и зацвѣло-бы роскошными цвѣтами.

Много борьбы предстоитъ на этомъ поприщѣ, а борцовъ-то и мало.

Кругомъ, куда только не обернешь, все изъ рукъ вошь плохо! Чтобы пробудить силы приходовъ на борьбу съ засильемъ доморощенныхъ деспотовъ, на борьбу со злобою приходской жизни, нужна печать. Только съ помощью печати и можно разбудить спящую приходскую дѣятельность и толкнуть ее на путь совершенствованія жизни. Нужна печать. Или, точнѣе, повременный печатный органъ, который-бы неустанно и при томъ свободно и

смѣло будить-бы общественное самосознаніе къ солидарной общественной жизни. Выясняль-бы все недочеты ея и указывать путь къ ея улучшенію.

Но кто можетъ создать такой органъ? Въдѣ изданіе журнала въ самомъ лучшемъ случаѣ обойдется въ годъ до 5,000 руб. А будутъ-ли подписчики, это еще вопросъ. И слѣдовательно, его могутъ создать только капиталисты, которымъ необременительно будетъ потерять въ годъ тысячи двѣ-три рублей. Такимъ образомъ придется нести потери каждагодно до тѣхъ поръ, пока журналъ не завоюетъ вниманіе общества и, приобрѣтя достаточное количество подписчиковъ, станетъ прочно на ноги. Но разъ случится, что журналъ создастъ капиталъ, то онъ и заставитъ его работать на себя, т. е. проводить на его страницахъ не ученіе Христа объ общественной жизни, а ученіе капитала. Журналъ такого типа старообрядчество уже имѣетъ. Это журналъ „Церковь“. Этотъ журналъ, по директивамъ, даннымъ ему, можетъ сколько угодно заниматься улучшеніемъ жизни иномыслящихъ церквей, но отнюдь не своей; онъ можетъ смѣло высмѣивать ихъ недостатки и даже отчаянно ругать, но ни на одно слово не дано ему права для указаній язвъ, которыми страдаетъ наше общество. Нестроенія у насъ повсюду, повсюду царствуетъ зло, насилие, повсюду не только слабый угнетается сильнымъ, но даже дѣлая церковныя общины затравлены, задушены—этими „сильными“. Сильными не умомъ, но капиталомъ просто. И журналу этому какъ будто и дѣла нѣтъ до того. Онъ знай себѣ кричитъ о злѣ, царствующемъ у внѣшнихъ, и настойчиво увѣряетъ о полномъ благополучіи у себя. И еще больше надо сказать: этотъ журналъ не только замалчиваетъ о недостаткахъ жизни нашего общества, чѣмъ даетъ поводъ неправдѣ разрастаться, но онъ даже всталъ въ ряды душителей свободной мысли. Когда на свѣтъ появился журналъ „Старообрядческая Мысль“, журналъ, именно поставившій себѣ задачей борьбу съ неправдою жизни въ своей общинѣ, то появленіе этого журнала привѣтствовали многіе столичные газеты и журналы, а также и провинціальныя и даже, въ намѣреніи обратить на него вниманіе публики, многіе изъ газетъ сдѣлали о немъ одобрительныя отзывы. Свой же братъ, журналъ „Церковь“, который, каза-

лось бы, первый долженъ бы порадовать общество сообщеніемъ о появленіи въ свѣтъ новаго журнала, *только второго въ старообрядчествѣ*, краснорѣчиво объ этомъ умолчалъ. Замолчалъ его выходя тогда и еще болѣе краснорѣчиво замалчиваетъ его существованіе теперь. И даже дѣло до того дошло, что журналъ „Церковь“ *отказывается отъ приѣма объявленій на этотъ журналъ*. И вотъ теперь „истинные христіане“ имѣютъ полную возможность убѣдиться, насколько по-христіански мы относимся другъ къ другу. Все журналы, *даже миссіонерскіе*, которые клеймятся журналомъ „Церковь“, какъ *братоненавистническіе*, обмѣниваются съ журналомъ „Старообрядческая Мысль“ своими выпусками и лишь своей „христіанскій“ журналъ, съ высокимъ названіемъ „Церковь“, не дѣлаетъ этого, настойчиво ненавистнически не желая признать новый журналъ вновь народившимся братомъ.

Редакція журн. „Старообрядческая Мысль“ пыталась убѣжденіями повліять на заправляющихъ ж. „Церковь“ въ смыслѣ привлеченія къ добрымъ отношеніямъ,—но безрезультатно.

Одинъ изъ фактическихъ редакторовъ ж. „Церковь“ мнѣ лично сознался, что они существованіе второго журнала въ старообрядчествѣ признаютъ вреднымъ... конкурентомъ. Т. е., по ихъ логикѣ, на пространствѣ старообрядческой Руси двумъ журналамъ тѣсно.

И вотъ такъ-то, любезный читатель, мы и живемъ *по христіански*. Но вотъ вопросъ: идя такимъ *христіанскимъ путемъ*, куда-же мы придемъ?

Поразмысли, дорогой читатель.

Н. Зенинъ.
